

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Вступительная статья Д. С. Лихачева

*Составление и подготовка текстов
Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева*

*Примечания
О. В. Творогова и Л. А. Дмитриев*

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревои, Игоря Святославича? Пусть начнется же эта песнь по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна!

Ведь Боян вещий, если хотел кому песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедию перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. То Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещи персты на живые струны воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который скрепил ум волею своею и поострил сердце мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что прикрыло оно его воинов тьмою. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на борзых коней и посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отведачь Дону Великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на

границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обеих половин этого времени, рыща по троне Трояна через поля на горы.

Так бы пелась тогда песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещий Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле». Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы уже, оседланы у Курска. А мои куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены, сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стонами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону Великому. Кричат телеги в полночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже беды его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по яругам, орлы клетком зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, галичий говор пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и

одеждами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогими нарядами половецкими. Червлёный стяг, белое знамя, червлёный бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след прокладывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шелома половецкие, на реке на Каяле, у Дона Великого.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлёными щитами.

Яр Тур Всеволод! Бьешься ты в первых рядах, прыщешь на воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами харалужными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат проклятые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными, Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл о чести и богатстве, и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступает в золотое стремя в городе Тмуторокани, звон же тот слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. А Бориса Вячеславича слава на смерть привела, и на Канине зеленую паполому постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче заседалась

и прорастала усобицами, погибала жизнь Дажь-Божьего внука, в княжеских крамолах жизни людские сокращались. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили: хотят полететь на поживу. То было в те рати и в те походы, а такой рати не слышано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле неведомом среди земли Половецкой. Черна земля под копытами, костями была посеяна, а кровью полита; горем зошли они по Русской земле!

Что шумит, что звенит вдалеке рано перед зорями? Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась обида над войском Дажь-Божьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеская, растревожила времена обилия. Борьба князей с погаными кончилась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! По нем завонила Карна, и Жля понеслась по Русской земле, размыкая огонь людям в пламенном роге. Жены русские восплакали, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра и пуще того в руках не поддержать!» И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, поганые же сами, с победами нарыскивая на Русскую землю, брали дань по белке от двора.

Так и те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже зло пробудили, которое перед тем усыпил было отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою своею, усмирив своими сильными полками и булатными мечами; пришел на землю Половецкую, притоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал, и пал Кобяк в городе Кисеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который утопил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русского золота насыпал. Тут Игорь-князь пересел из золотого седла в седло половецкое. Уныли городские стены, и веселье поникло.

А Святослав смутный сон видел в Кисеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черной паполомой на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисановой и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, тоска ум наполнила. Вот слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани или хотя бы испить шлемом Дона. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великое ликование пробудили в хинове. Уже низверглась хула на хвалу; уже ударило насилие по свободе; уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы воспели на берегу синего моря, звоня русским золотом, воспевают время Бусово, лелеют мечь за Шарукана. А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкой земле мечами досаждать, а себе славы искать. Но не по чести одолели,

не по чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

А уже не вижу власти сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу сами поддержим, а будущую сами поделим». А разве удивительно, братья, старику помолодеть? Если сокол в мытях бывает, то высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло — князья мне не подмога: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами. Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не думаешь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол побережь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а половец по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, на поле неведомом? Вступите же, господа, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями. Стреляй же, господин, Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые замыслы влекут ващ ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в

смелости одолеть. Ведь у ваших воинов железные панцири под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы — конья свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не добром листву сронило: по Руси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дои тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князи, уже успели на брань...

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда соколы! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы и конья польские и щиты? Загородите Полю ворога своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под криком поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен. ...и сказал: «Дружини твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь ползали». Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода, так один он изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава! Уже склоните вы стяги свои, вложите в ножны мечи свои поврежденные, ибо утратили уже дедовскую славу. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на жизнь Всеслава. Из-за усобиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся стружием золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, повиснув на синем облаке, урвал удачу в три попытки: отворил ворота Повгороду, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов дорыскивал Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещей Боян еще давно припевку молвил, смысленый: «Ни хитрому, ни удачливому, ни птице ловкой суда божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне встали стяги Рюрика, а другие — Давыда, по врозь их полотнища развеваются. Копья ноют!

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, — говорит, — кукушкой по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мечешь хиновские стрелки на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе было под облаками вейть, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе лады Святославовы до войска Кобяка. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я рано к нему слез на море».

Ярославна рано плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки ослабило, горем им колчаны заткнуло».

Прыснуло море в полуночи, идут тучи вихрями. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой

на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуместь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь скакнул горюстаем в тростники, белым гоголем — на воду, вспрыгнул на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался по лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, расстилавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядами в воздухе». Не такая, говорят, река Стугна: злую струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в тоске к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки при молкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими злаченными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и будут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «О жена когана Олега! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы», — так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — выются голоса через море до Киева. Игорь сдет по Боричеву к святой богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом — молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, заступая христиан от поганых полков! Князьям слава и дружине!

Аминь.